

Цзян Цзю — крупный клиент Хун Сюли, которая берется за любую подработку, чтобы заработать денег. В настоящее время он занимает должность управляющего в Министерстве двора. Цзян Цзю очень хорош собой: у него изящные, утонченные черты лица и белоснежная, словно светящаяся кожа. На вид он — изнеженный аристократ, который никогда в жизни не брался за тяжелую работу.

Именно кожа Цзян Цзю была тем, на что Хун Сюли обратила внимание в первую очередь. Как бы странно это ни звучало, но она была уверена: любой, кто увидит Цзян Цзю, невольно отметит его невероятную бледность. Сам он солнечный свет не жалуется: часто носит с собой зонт или вовсе забинтовывает себя так, будто получил тяжелые увечья. Возможно, в этом и кроется причина его мертвенной бледности.

Однажды Хун Сюли заметила, что его манеры несколько театральны.

Ответ Цзян Цзю прозвучал довольно туманно:

— Это настройки, я не могу им противостоять.

Настройки? Что это еще такое? Хун Сюли недоумевала.

— Это вещь, столь же важная, как дыхание, — загадочно произнес Цзян Цзю.

Столь же важная, как дыхание? Хун Сюли представила, как Цзян Цзю выходит под палящее солнце без зонта и бинтов, и едко заметила:

— Похоже, у тебя бывают моменты, когда ты забываешь дышать.

В ответ на ее колкость Цзян Цзю лишь сохранил бесстрастное выражение лица. Даже когда его спрашивали о надежности этих самых настроек, он не чувствовал ни неловкости, ни вины.

Хун Сюли, привыкшая быть начеку, лишь промолчала.

Ходили слухи, что во время сдачи государственного экзамена Цзян Цзю прославился не только своими знаниями, но и поразительным аппетитом. Люди никогда прежде не видели, чтобы кто-то мог съесть так много. Его невероятный аппетит стал такой же визитной карточкой, как и его бледная кожа.

— Впрочем, это не мешает ему быть приятным в общении человеком, — говорила Хун Сюли.

Глядя на Цзян Цзю, она постоянно ловила себя на мысли, что он отличается от обычных гражданских чиновников. Несмотря на его нежелание работать и причудливое поведение, Сюли видела в нем потенциал военного.

Цзы Цзинлань, сам состоящий на службе в качестве военного чиновника, лишь многозначительно промолчал.

Невозмутимый Цзян Цзю продолжал рассуждать о вещах, которые ему были известны. Его

инстинкты сводились к еде, и больше никаких хлопот он не доставлял.

Цзы Цзинлань кивнул.

Демоны, вампиры, призраки...

— Знаете? Многие люди с красивой внешностью, бледной кожей и боязнью солнца — вовсе не люди, а вампиры.

Обычные гражданские чиновники не обладают такой скоростью реакции и ловкостью, как он. Даже если Цзян Цзю пытался скрыться за маской чиновника, его тело в моменты опасности инстинктивно выдавало его. Сюли поделилась своими наблюдениями с Цзы Цзинланем, и тот с ней согласился.

Вот и сейчас Цзян Цзю послушно ждал обеда.

— Поэтому, если к вам на улице пристанет такой человек, ни в коем случае не поддавайтесь на их внешность и тем более никуда с ними не ходите. Если что-то случится — сразу сообщайте властям.

— Сюли и Цзинлань так здорово готовят!

— И не говори!

— Один — барышня из клана Хун, другой — военный чиновник, вот это уровень.

— Кстати, мне внезапно стало грустно из-за их ситуации. Огромный особняк, ставший для них обузой — это так жизненно.

— Еще жизненнее то, что даже барышне из клана Хун приходится работать.

— Такова жизнь.

Когда еда была готова, Хун Сюли и Цзы Цзинлань наблюдали, как Цзян Цзю с невероятной скоростью расправляется с трапезой. Слушать его лекции у них уже не было никакого желания: за время знакомства они узнали столько теорий о том, кем могут быть люди с бледной кожей, что хватило бы на целую энциклопедию.

Обычно военные едят больше, чем гражданские чиновники. Если следовать этой логике, Цзян Цзю определенно должен был стать военным.

На это Цзян Цзю лишь ответил:

— Судить о выборе человека по его аппетиту — это предрассудки. К тому же, быть военным слишком утомительно, я хочу работать только в помещении.

Если деньги Хун Сюли и Цзы Цзинланя уходили на домашнее хозяйство, одежду, еду и ремонт того самого огромного особняка, то девять десятых дохода Цзян Цзю тратил исключительно на еду.

— Глядя на него, я сама чувствую себя сытой, — призналась Хун Сюли.

Цзы Цзинлань полностью ее поддержал. Зрители в чате трансляции ставили плюсики.

В итоге Цзян Цзю наелся лишь наполовину. Он передал остаток денег Сюли и собрался пойти перекусить где-нибудь еще.

Хун Сюли подумала, что еще никогда не встречала такого прожорливого человека.

— Должна быть причина, по которой он выбрал Министерство двора.

— Наверное, потому что там не урезают его жалование.

Услышав это, Цзы Цзинлань не сдержал улыбки. Где бы Цзян Цзю ни работал, его бы нигде не обделили. С тех пор как пост министра двора, ведающего выплатами, занял Хуан Цижэнь, даже нищенское жалование господина выплачивалось вовремя.

Впрочем, работая под началом Хуан Цижэня, Цзы Цзинлань всегда чувствовал некое странное родство, ведь Цзян Цзю был таким же чудачком.

*

Выходные закончились, и Цзян Цзю отправился на службу. В чате трансляции многие, кто тоже возвращался на работу после отдыха, жаловались, что не хотят видеть лица своих начальников и проклинали работу.

Цзян Цзю не собирался поддерживать этот поток жалоб. Хотя сам он тоже не горел желанием работать.

Дорога была до боли знакомой, люди — всё те же. По пути в Министерство двора Цзян Цзю увидел молодого человека, который метался по коридору, словно в лабиринте, и остановился.

— Неужели...

Зрители в чате, наблюдавшие за поведением юноши, схватились за головы.

— Он опять заблудился!

— О небеса!

— Мне так тревожно за него, неужели рядом с ним никто не может ходить?

— Сегодня помощник министра чинов снова потерял направление в жизни.

Этим молодым человеком был Ли Цзяню. Он сдал экзамен на высший балл в шестнадцать лет, став самым молодым лучшим выпускником в истории Сайуньго. Сейчас, в двадцать два года, он уже занимал пост помощника министра чинов, и многие прочили ему карьеру самого молодого премьер-министра в истории страны.

Однако, прежде чем стать премьером, господину Ли стоило бы научиться ориентироваться на

местности.

Цзян Цзю подошел к Ли Цзяню и услышал его бормотание:

— Проклятье, кто передвинул Министерство двора?

Цзян Цзю и зрители трансляции замолчали.

— Даже такой невозмутимый человек, как Ли Цзяню, ломается, когда дело доходит до топографического кретинизма.

— Будем честны, для него это норма.

— Сочувствую ему.

Ли Цзяню, будучи в состоянии дезориентации, все же не терял бдительности. Заметив боковым зрением приближающегося Цзян Цзю, он просиял, и его раздражение мгновенно сменилось привычным спокойствием.

— Ты тоже сейчас идешь в Министерство двора?

Вопрос был излишним. В конце концов, Цзян Цзю там работал.

Цзян Цзю коротко кивнул. Ли Цзяню заметно расслабился.

— Тогда пойдем вместе.

— Пха-ха-ха, я сейчас умру от смеха. По выражению лица помощника министра Ли сразу видно, что он спасен.

— Я тоже заметила, такой милый.

— Цзян Цзю такой невозмутимый, я понимаю, он просто бережет самолюбие Ли Цзяню.

— Они вроде как друзья.

— Цзян Цзю, похоже, определил этого друга как того, кто помогает ему находить дорогу.

— ...Точно подмечено.

Чтобы сгладить неловкость, Ли Цзяню по дороге начал расспрашивать Цзян Цзю, как тот провел выходные.

Цзян Цзю ответил двумя словами:

— Ел еду.

Ли Цзяню удивился:

— И больше никаких планов?

Цзян Цзю подумал и ответил:

— Искал того, кто приготовит еду.

На бесстрастном лице Ли Цзяню появилась трещина. Известный своей невозмутимостью, он раздраженно воскликнул:

— Да сколько можно есть!

Цзян Цзю парировал:

— Ровно столько же, сколько ты любишь блуждать в трех соснах.

Ли Цзяню:

— !?

Зрители в чате:

— ...

Интересно, ведущий трансляции еще останется в живых?

<http://bllate.org/book/20226/2013936>